

“резонанса”). Диалогическая природа творчества – существенный аспект его исследования.

И в заключение хотелось бы обратить внимание на сберегающую функцию творчества. Акцент на новизне не должен заслонять другого, не менее существенного момента: любой творческий акт не только что-то начинает, но и продолжает, наследует, возрождает. Он открыт не только в будущее, но и в прошлое, в сокровищницу культурной памяти человечества, черпая из нее и актуализируя то, что созвучно индивидуальности творца. Культурная преемственность – это встреча индивидуальных творческих усилий, взаимно пробуждающих талящиеся в них бесконечные содержательно-смысловые потенции. Поэтому

творчество – это всегда не только праздник первооткрытия, но и “праздник возрождения”: “Поэма не умирает” (П. Валери).

Признание сберегающей функции творчества особенно актуально в современном мире. Сегодня чрезмерный упор на сам по себе активизм и “прорыв в новое” вряд ли уместен, ибо таит опасные тенденции разрушительного авантюризма и культурного беспамятства. Активизм и новизна не могут рассматриваться в отрыве от задачи сбережения фундаментальных ценностей общечеловеческой цивилизации.

Г. А. Давыдова,
кандидат философских наук, Москва

ФЕНОМЕН ТОЛПЫ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАКУРСАХ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Фактор толпы неустраним из социальной жизни в принципе, однако наступают времена, когда он играет в ней ключевую роль, определяя во многом перерывы постепенности исторического существования. Осознание этого факта – важная заслуга социальной психологии и в самые начальные времена ее становления, и сейчас. В наибольшей мере это относится к трудам представителей данной дисциплины, стоявших у самых ее истоков: Н.К. Михайловского в России, В. Вундта в Германии, С. Сигеле в Италии и Дж. Мида в Англии. И конечно же – к произведениям великих французов: Г. Тарда и Г. Лебона.

Вклад последних в разработку проблематики психологии толп в конце XIX века по странной закономерности востребован как раз в конце века XX, что в первую очередь отмечает продолжатель данной традиции, обогащенный всем багажом социально-психологических знаний нашего века, С. Московичи. Он ставит задачу определить XX столетие как “век толп”, хотя таковым его предшественники считали, по словам поэта, “век девятнадцатый, железный”.

Издательство Института психологии РАН осуществило по своей инициативе выпуск в рамках “Библиотеки социальной психологии” серии классических работ по психологии толпы. Это труды давно уже умерших (хотя никогда не исчезающих из поля зрения) значительных авторов, но ранее очень труднодоступных. То, что книги выходят практически одномоментно, особенно важно – читатель получает компедиум знаний по поведению толпы в предельно сложные времена массовых социальных сдвигов, усугубляющихся “фактором миллениума”, т.е. наступления нового тысячелетия.

Не случайно, что первые труды по психологии толпы появились на переломе столетий; следует

также напомнить, что многие историки прошлого и настоящего небезосновательно замечают: такого рода “круглые даты” часто беременны “острыми углами” ... Перемены кажутся в такие времена неизбежными, но это “невиданные перемены, неслыханные мятежи”...

Знать законы поведения толпы – значит, многое предвидеть, поэтому рассматриваемая серия книг важна не только в чисто академическом плане. Итак, изданы следующие книги: “Психология толп”, 1998, 416 с.; “Преступная толпа”, 1998, 320 с.; “Революционный невроз”, 1998, 480 с.; при этом будем держать в поле зрения и труды современных авторов, вышедших в серии: С. Московичи. “Век толп”, 2-е изд., 1998, 480 с.; С. Московичи. “Машина, делающая богов”, 1998, 640 с.; М.Л. Рукетт “О знании масс”, 1998, 400 с. (в дальнейшем римской цифрой будет указываться книга, арабской – ее страница).

Первая, можно сказать, основополагающая работа – “Психология толп” Гюстава Лебона (1841–1931); к сожалению, в общем предисловии к книге “Психология толп” вкралась одна из немногих опечаток – год смерти указан 1921 (см. [I, с. 6]). Число работ об этом оригинальном и универсальном ученом и мыслителе к концу XX века увеличивается нарастающими темпами. Почему? На наш взгляд, прав был известный философ и социальный психолог Т. Адорно, писавший, что ярче, доказательнее, полнее истина звучит тогда, когда она высказывается впервые. Вот и Лебон практически первым высказал положение, бывшее истиной и в веке XIX (а он для Франции, да и для Европы в целом начался, по замечанию Г.В. Плеханова, в 1789, а закончился в 1914), и во многом реальной для века XX: “Толпа может быть преступна с точки зрения закона, но не будет таковой с психологической точки зрения” [I, с. 222]. И

не только тех времен. Еще Иисус Христос говорил о возбужденной чувством мести толпе: "Отче! Прости им, ибо не знают, что делают" (Ев. от Луки, 23, 34). (Кстати, не данный ли момент отражен в художественном оформлении книги? В целом же художественное оформление серии – выше всяких похвал.) А Ян Гус – уже с креста, а не креста – говорил о ревностной старушке, несущей вязанку хвороста: святая простота, – придавая порыву немотивированного участия старушки в преступлении почти мистический смысл.

В двух частях работы Лебона, вышедшей впервые на французском языке в 1895 г. и почти сразу же переведенной на русский язык под названием "Психология народов и масс", обнаруживается стремление разом поднять и увязать всю совокупность факторов, детерминирующих динамику (иногда динамитную) верований и поведения толпы.

Раса – традиции – учреждения – опыт иллюзии – вожаки – постоянство верований \ непостоянство мнений. Характер сопряжения этих факторов многое объясняет в поведении и народов, и масс, особенно в отклоняющемся поведении. Изучать в рамках академической парадигмы данный феномен – с привлечением потенциала всех обществоведческих дисциплин даже к концу XX века – затруднительно а то и невозможно. Но и не изучать нельзя!

Лебон – ученый, сформировавший свои взгляды в парадигме строго позитивистской, не даром он был известным медиком, автором работ по теоретическому и экспериментальному естествознанию. Но в подходе к феномену толпы он вышел за рамки этой парадигмы и заговорил метафорами, языком вероятностей (в толковании В.В. Налимова).

Одно из высказываний подобного рода: "Жертвы иллюзии, заставляющей их думать, что, умножая законы, они лучше обеспечат равенство и свободу, народы ежедневно налагают на себя самые тяжелые оковы. Но это не проходит для них даром. Привыкнув переносить всякое иго, народы сами ищут его и доходят до потери всякой самостоятельности и энергии. Они становятся тогда пустой тенью, пассивными автоматами, без воли, без сопротивляемости и без силы. Тогда-то человек вынужден искать на стороне те пружины, которых ему не хватает" [I, с. 251]. Выдвигая это положение, Лебон выступает не столько как ученый и социальный мыслитель, сколько как страстный гражданин и даже пророк.

Кстати говоря, С. Московичи в книге "Машина, делающая богов" развил некоторые моменты данного положения, сводящегося к выводу, что государство берет на себя миссию провидения, становится на место бога. Но толпа обычно выражает страстное недовольство такими "богами" –

и это обратная сторона не рассуждающей покорности им же.

Лебон в своей книге предвидел эрозию идеала расы как одушевляющего толпу начала. История подтвердила из его предположений многое: имело место агрессивное поведение одной расы – "арийской". (Допускал ли французский мыслитель, что всего через 40 лет после выхода его книги идеология превосходства одной расы над другими станет преобладающей в высококультурной стране Германии? А если и допускал, то видел в этом доказательство своих самых пессимистических предсказаний.)

Следует и сегодня внимательно вчитаться в его предостережения о возможном завершении "цикла жизни" каждого народа – в них куда больше истины, чем в гаданиях Нострадамуса. Не для того, чтобы увериться в неизбежности конца. А для того, чтобы распознавать скрытые болезни, ибо пренебрежение к их симптомам ведет к превращению народа в толпу, которая предстает то как взрывная масса, то как "горсть изолированных индивидов".

Для удержания толпы нужна сила. Для создания государства тоже. А для доминирования расы – губящая сила. Это признают авторы всех трудов прошлого по психологии толпы, которая под умелым воздействием вождей может превращаться в "железные батальоны".

Но есть и другой сценарий. Он изложен в стихотворении великого поэта Ф.И. Тютчева в 1870 г. – как раз перед франко-прусской войной.

"Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью..."
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там посмотрим, что прочней..."

И надо бы вспомнить, что предвидение "оракула" – Бисмарк обернулось войнами в XX в., а попытка "спаять" мир любовью, которая была предложена царем Николаем II в самом конце XIX века в Гааге, не увенчалась успехом. Но значит ли это, что правым оказался "оракул"?

Работа Г. Тарда "Мнение и толпа" написана тремя годами ранее, чем книга Лебона. По стилю и духу она более академична и менее тревожна. Люди, может, и ошибаются, следуя закону подражания, но до крушения цивилизации далеко... Публика превращается в толпу, но и та может стать публикой... Толпа склонна к крайностям, но за колею прогресса человечество не выходит... А если мнение (оно "для публики в наше время есть то же, что душа для тела, и изучение одной ведет нас к другому" [I, с. 301]) канализировать по конструктивному руслу – то прогресс не остановим...

Тард – скрупулезный криминолог, он весьма корректно сопоставляет разные цифровые ряды

(в качестве примера можно привести Шотландию: на протяжении веков это была страна, богатая убийствами, а в конце XIX в. — с наименьшим их количеством [I, с. 394]). Но он же поэтически пронизателен в описании изгибов и извивов в формировании коллективного мнения (там же, с. 405).

В настоящее время особенно значимо наблюдение Тарда о власти при действии вблизи и действии на расстоянии. При первом главную роль может играть некая душевность, но чаще — «сила решимости, даже зверская, сила убеждения, даже фанатическая, сила гордости, даже безумная» [I, с. 401]; при втором — превосходство ума и воображения. Цивилизация развивается лишь с ростом второй силы... Действительно, когда-то на лекциях в нынешнем Психологическом институте М.К. Мамардашвили говорил: в холодные времена одни люди сплываются теснее и греют друг друга, а другие — рассредотачиваются и изобретают паровое отопление.

Может, толпа — анахронизм, а писания Тарда устарели? Нет, в конце 1960-х во Франции, Чехословакии, Америке большие массы людей многое решали в формировании цивилизованных норм. В Америке — это борьба за гражданские права негров, во Франции — за реформы образования, в Чехословакии — попытки придать социализму «человеческое лицо». Но это были уже не толпы, по крайней мере, не те, что были ранее. Хотя и они часто находились на грани эксцессов.

Толпы играли немалую роль и в политических событиях в России. Теперь этот фактор куда менее значим в отечественной политике. Но нет даже признаков анализа социальными психологами феномена массовых движений... Может, рассматриваемые работы побудят их высказаться по этим животрепещущим вопросам? При чем началом могут служить идеи Тарда, не потерявшие своей актуальности: диалектика интра- и интерпсихологических взаимодействий, или действие законов подражания и внушения, или типология толп.

Тард и Лебон — классики толповедения (если можно так выразиться) — социологии и психологии толпы. Но феномен толпы попал в поле их зрения и из других отраслей и направлений психологии (В. Вундт, З. Фрейд и др.). Но прежде чем рассмотреть работы данных классиков, обратим внимание на труд итальянского криминолога С. Сигеле (1868–1913; даты жизни и смерти этого неординарного мыслителя в русскоязычной литературе встречаются впервые), который изучал не только юриспруденцию, но и психологию. Книга «Преступная толпа. Опыт коллективной психологии», как и работа Тарда, написана в 1892 г.

«Преступления толпы» были им скорее угаданы, чем описаны, если иметь в виду семена фа-

шизма, которые впервые возшли именно на итальянской почве. Но книга Сигеле — не самоосуществляющееся пророчество. Она скорее — некий трактат о «вечных демонах», которые делают общество преступным в том случае, если его члены собрались вместе. Это, по уверению Сигеле, уже даже не психология, а коллективная психофизиология. Конструктивные человеческие силы, будучи соединены, не складываются, а скорее уничтожаются — это положение итальянский психолог рассматривает со всех сторон. Анализируя «душу толпы» как силу, способствующую такому самоуничтожению индивидуальности, автор приходит к выводу, что она в основном продуцирует психические эпидемии, способствующие иррадиации скорее зла, чем добра: «Коллективная психология богата сюрпризами: сто, тысяча человек, соединившись, могут совершать поступки, которых не совершит ни один из них, в отдельности, но эти сюрпризы по большей части печального свойства. От соединения хороших людей вы почти никогда не получите прекрасных результатов; часто результат будет только посредственным, подчас даже очень скверным. Толпа — это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не найдя подходящих условий жизни» [II, с. 49].

Закономерно возникают вопросы: а как с зафиксированным практически любой конституцией правом на демонстрации? И как с массовыми действиями, приводящими к позитивным сдвигам, — наличие таковых признает и сам Сигеле, вспоминая о самопожертвованиях народа во время достижения Италией независимости?

В ответе на эти вопросы итальянский исследователь склонен ограничиваться предельно общими соображениями, как он их именует — арифметическими. Толпа вследствие «рокового арифметического закона психологии» предрасположена ко злу более, чем к добру. И всякое собрание лиц дает более низкий интеллектуальный результат, чем должна дать сумма таких единиц.

В принципе вроде правильно... Но некоторые отрасли «коллективной психологии» экспериментально подвергли данное положение сомнению. Нет, правильно организованная группа дает как раз больший эффект, чем отдельно рассаженные индивиды — причем это доказывали не только «советские психологи» (результаты которых пересматриваются сегодня с учетом конструктивности их идей), но и психологи «капиталистические», причем, опять-таки, не только с превалированием коллективистической ориентации японского типа — но и самой что ни на есть индивидуалистической, американского типа. Теория и практика брейнстроминга — здесь не единственный результат.

Почему же в XIX веке столь мощно отвергались посылы о возможной продуктивности совместных действий, исходя из арифметической – вот уж удачное слово! – а не алгебраической необходимости? На наш взгляд, потому, что практически все подлинно великие авторы в анализе толпы так и не вышли за рамки позитивистской парадигмы. А она ориентирована на “мудрую” редукцию: высшие закономерности объясняются действием скрытых низших.

Практически все подходы к научному описанию толп сводятся к схеме: вот есть такие-то и такие-то случаи. Случаи действительно ужасающие – хотя большинство авторов трех первых рассматриваемых книг ужасов фашизма, делающего часто ставку на подлинно озверевшую толпу, почти не знали. Затем ставится задача узнать: почему так происходит? Третья стадия – своеобразная “отгадка”: силы (или, как писал Фуллье, идеи-силы) – подражание, внушение, гипнотическое воздействие... В этой схеме в психологии толп теряется качество социальности.

Не будем утверждать, что это качество по определению “хорошее”. Отмеченная озверевшая толпа фашистов на каком-то этапе приобретала качество социальности, сводившееся к организованному господству расового начала среди захваченных народов с опорой на хорошо налаженную машину репрессий. Но изучение данного качества с психологических позиций требует поистине алгебры, а не арифметики.

Это отнюдь не снижает высокой ценности мыслепоисков Лебона и Сигеле, Фуллье и Фрейда. Более того, их “арифметика” не помешала им куда глубже проникать в определенные законы социального поведения толпы по сравнению с некоторыми социологами, игнорировавшими фактор психического – прежде всего, во имя экономического детерминизма. Особенно значимы их предостережения от упоения “революционной энергией масс”, действие которой во многом ответственно за глубочайшие катастрофы XX века...

Вернемся ко второй книге рассматриваемой серии; вместе с работой Сигеле здесь напечатаны труды немецких психологов-классиков: З. Фрейда и В. Вундта. Но классиков – не в изучении толпы.

Первый и не скрывает, что дает лишь свою интерпретацию неких законов Лебона в работе «Психология масс и анализ человеческого “Я”». Он согласен с тезисом, что толпа склонна к “поруганию разума”, однако представитель “сумрачного германского гения” (обратимся опять к словам поэта) видит истоки преступного поведения толпы не в унификации индивидуального начала, а, наоборот, выпячивании самых темных его глубин. Соответственно, ключевое слово для объяснения массовых деструктивных действий – иден-

тификация, а не подражание, скажем так: поднятие своего “Я”, а не его опускание.

Толпа, или, как пишет Фрейд, «первичная масса является множеством индивидов, поставивших один и тот же объект на место своего “Я”-идеала и идентифицировавшихся вследствие этого друг с другом в своем “Я”» [II, с. 167]. При этом “объектом” могут быть такие субъекты, как бесноватый фюрер или мрачно-жестокий вождь...

Все – как один, страшная формула... Ее последствия Фрейд предвосхитил в 1921 г.; ко времени написания данной работы, по-видимому, игнорируя опыт только что состоявшихся двух революций – в России и Германии.

Моисей, тотем и табу, и даже первобытная орда и стадо... Этот ряд понятий, применяемый в книге для анализа социальных процессов, ведет “сумрачного гения” в слишком большие глубины “коллективной души”, игнорируя те моменты, что качества агрессивности могут задаваться ей и таким во многом социальным чувством, как зависть (в случае революции в России) или обида (немецкого народа за унижение соседями-победителями после первой мировой войны; кстати говоря, другое отношение победителя, правда, за океанского, к побежденным немцам после 1945 г. запустило и совсем другие качества национального характера). Но, конечно же, работа Фрейда о психологии масс поднимает целый пласт ранее скрытых детерминант в анализе массового поведения.

Исследование В. Вундта примечательно полидисциплинарным подходом к исследованию психологии народов. И второе: он выводит особенности поведения индивида из “духа народа”, а не своеобразно складывает этот дух из поведенческих реакций. Однако, как справедливо указано в предисловии к книге, Вундт, обладая мощным организаторским и критическим интеллектом, остановился на стадии порождения исследовательских программ в данном направлении. Действительно, он сравнительно поздно взялся за исследование массовой психологии – и при этом обладал большой научной добросовестностью, чтобы отвлечься от инструментария тогдашней академической психологии, метавшейся от физиологии к философии, и наоборот. И все же его призыв “установить чисто психологические законы исторического развития” [II, с. 207] с учетом того, что психические силы являют собой лишь один из элементов причинного объяснения в истории, элемент, который нуждается в дополнении влиянием природы, с одной стороны, и влиянием культуры, с другой, – такой призыв далеко не тривиален.

Перед написанием книги “Революционный невроз”, вышедшей в 1907 г. сразу в двух русскоязычных переводах (времени, когда еще не в пол-

ной мере были разобраны баррикады в городах Российской империи и пылали помещичьи поместья в деревнях), доктор Кабанес издавал журнал "Медицинская хроника", руководствуясь задачей освещения проявлений психопатии в истории. На основании описания многих документов, даже таких, как революционные календари, протоколы о переименованиях и т.п., он поднял массу данных для интерпретации феномена революции с позиций социальной психологии, трактуя психическую жизнь масс в эти времена как революционный невроз.

Конечно, и этот подход отличается моментами креативности. Так, Кабанес довольно четко описал параметры двух массовых психических состояний – террора и страха. Толпа – это не народ, это отдельная его часть, находящаяся под влиянием одной из указанных страстей. Террор – это ожесточение, это ураган, но это бесстрашие перед гильотиной во времена французской революции (или перед "стенкой" в революции российской). Страх – это не горячечная, но столь же массовая болезнь увядания. Перед ним дрожат, и не знают почему; толпа испытывает безотчетное детское чувство незащитности. Так было во времена термидора (и в 30-е гг. в России).

Тезис Тарда о подражании как ведущей психической силе массового поведения Кабанес конкретизирует с опорой на некоторые подходы медицинской психологии, точнее, даже медицинской социальной психологии. В русском переводе говорится о заразительности революционного страха. Слово "заразительность" переводчику не пришлось изобретать: оно было у Михайловского. Но столь тщательного препарирования поведения толпы в ходе революционных изменений не было ни у кого – ни до, ни после работы французского врача.

При чтении его труда невольно возникает эффект "дежа вю" наыворот: оказывается, многое из того, что делали большевики, заявляя "мы наш, мы новый мир построим", уже было в истории... И психологам стоило бы внимательнее изучить эти алгоритмы горячечных действий в истории народов (учитывая и, например, отмеченный К. Марксом феномен воспроизводства представлений о римских республиканских добродетелях французскими революционерами, а затем переименования улиц в уездных городах России в память о Марате и Робеспьере...). Важность работы Кабанеса, равно как трудов во всех трех книгах серии, – и в этом.

Вышедшая в 1898 и переведенная в 1899 на русский язык книга А. Фуллье "Психология французского народа" (в предисловии автора именуемая даже "Физиологией народа") ставится в поле обозрения социального психолога в первую очередь феномен национального характера –

его физиологическое, органическое строение и т.п. Конечно, посыл книги – формирующее действие идеи–силы (в отличие, вероятно, от идеи–лишь–мысли?) – делает анализ французского врача довольно продуктивным, но – для своего времени, нелегкого времени для любого народа: XX век должен был стать периодом мирного сосуществования народов (по крайней мере его первая половина, или – если быть точным относительно больших народов – 1914–1945 гг.), а стал временем массового взаимоистребления...

И вопрос Фуллье, *может ли психология смешивать физическое и умственное развитие расы с приобретенными прогрессивно-развивающимися национальными признаками, можно переформулировать так: детерминируется ли социальное развитие биологическими факторами?* Этот вопрос не теряет своей актуальности уже и в принципиально другом контексте – активной включаемости в процесс соиздания истории всех народов. При этом "малые народы" (а это термин, вполне признанный социально конструктивным в процессе формирования новых государств в центре Европы после распада здесь нескольких империй) сегодня истово равняются на большие. Какой-то там Брчко в бывшей Югославии или Хасавюрт в бывшем СССР – кому они были известны? И сколько образовалось при получении ими известности такого биологического субстрата, как пролитая кровь? А сколько психологического поэтова: известность – любой ценой?...

Особенно важны наблюдения Фуллье относительно эволюции народного характера: на примере Франции от галлов к франкам, а от них к французам. Здесь, на наш взгляд, намечены контуры дисциплины, которой лишь предстоит оформиться – генетической этнопсихологии. Поэтому и в данном, и в других отношениях идеи французского врача – тоже медика, как Лебон и Кабанес, – не потеряли своей актуальности и даже свежести.

"Всякое перевозбуждение неизбежно заканчивается угнетенным состоянием", – заключает он последнюю главу последней книги. Это – своего рода модель для оценки поведения толпы в экстремальных ситуациях, которым в силу многих причин следовало бы предпочесть спокойную жизнь, "мещанство", "застой" и др.

Но перерывы постепенности – закон социальной жизни, и психологическая составляющая этого закона является далеко не второразрядной, на что со всей определенностью указали авторы, работы которых так удачно скомпонованы в предлагаемой читателю "Библиотеке социальной психологии".

**Т.И. Аравина, канд. психол. наук,
Владимирский филиал
Академии государственной службы, Владимир**